

НАЧДИВ ЛЕТУЧИЙ

Героическая поэма

*Когда угаснет пыл,
Осыплет юность цвет,
Не забывай как жил
И прадед твой и дед.*

Михаил Голодный

ПРОЛОГ

У Макарова Яра дороги трудны.
Приовражъя кустисто крапива покрыла.
Камни -
тучные, как кабаны,
греют гладкие спины на солнце и рыла.
И в весёлом от солнечных брызг вишняке
чернокудрый крепыш
меж деревьев шныряет.
Ртом, ни разу ещё не разбитым никем,
клей от жёстких стволов отгрызает.
И жуёт его так,
словно корочку хлеба.
что горчит
подневольным крестьянским трудом -
непокорный, хватистый сын горшколепа,
Октября созревающий яростный гром.
И от вольно летящего мимо коня
просыпается в нём
кровь бунтарская предков.
Высекают копыта колосья огня,
разжигая костёр революции крепкий.

Бандурист

Играй, бандура, играй!
Вспоминай красного командира
Александра Пархоменко -
потомка славного Запорожской Сечи.
Всю жизнь его вспоминай!
Играй, бандура, играй!

Весёлый услышит - песню подхватит.
Услышит хмурый - развеселится.
Храбрый услышит - саблю наточит.
Играй, бандура, играй!

КАЛЕДИН. ВЕСНА 1918 ГОД.

Казачи!
Доблестные сыны России!
В эти дни
она умирает от мерзкого порождения
большевицкой силы - Соввласти!
Пролетарский Донбасс - красной чумы оплот.

Напасти!
Спасём Родину от озверевших рук!
Шашками сокрушим совдеп!
И будет у нас земля, воля и белый хлеб!
На конь, казаки!
Не посралим чести!
(*Вместе*)
- На конь!
- На конь!
- На конь!

Ко-о-ни цокают копытами,
ломают ломкий лёд.
Отдыхают на клинках
блёстки лунной ночи.
Кони цокают.

Каледин усмирителей ведёт
на донецких горняков,
луганских рабочих.
Едет. Смугл. До баб охочий.
Сутью всей уйдя в приказ:
"От социалистской порчи
срочно вылечить Донбасс!"

Хмуρο водит рысьей бровью.
Взгляд стреляет, словно плеть:
- Благородное сословье
вечно должен уголь греть!

Эскадроны скачут чинно.
В нору скрылся хвост лисы.
Хамовитый казачина
окунает нос в усы:

1-й казак

Это ж надо - босота,
гадская икота!
На хозяев никак
не хочет работать!
Ух и пыхнем -
езде водворим порядочек!
В самом красном гнезде
помнём
ку-ро-па-то-чек!
А потом клинками косы
загребём с башкой и - шась!
Помнят пусть, молокососы,
нашу истинную власть!

2-й казак

Пыхнуть, пыхнем. Да, брат,

чтоб не пискнуть тоненько,
коль летучий отряд
налетит Пархоменко.
Это бестия такая -
налетит, погонится.
Мал летами вроде,
а, паршивец, в пятом годе
смыкал нашу конницу.
В девятнадцать годков
он пролетарьятом...

1-й казак

Мы таких сосунков!

*(И зашёлся матом.
Дикарем зарычал:
волосатый, страшный.
И совсем одичал,
вспомнив свои пашни.)*

2-й казак

Сосунок, да не плох.
Пану чин по чину
тучность вылечить смог
вилами в бочину.

1-й казак

Слухай, ты, казачок!
Сам краснеешь вроде!
Я тебя, большевичок,
при честном народе
обелю, карапец!..

*Но тут эскадронный
подскочил:*

- Так их мать! Шахтерня бастует!

Каледин

Никого живым не брать-
тюрьмы пусть пустуют!
И у шахт воспаря,
вздув хламьё рубашек,
заиграла заря
на клавишах шашек.

Расплескала каламуть
в бурьянах росистых.
Пулей царскою в грудь
славя коммунистов.
Мёртво стало. Темно.
Но живуче слово:
*"Не наденем ярмо
живодёров снова! "*

Телеграммы

1

*Центральному Исполнительному
Комитету Советов Украины ...*

Абсолютно неизбежна гибель всей революции без быстрой победы в
Донбассе...

Всё отложить в сторону, кроме Донбасса.

Ленин

2

Луганск. Ревкому.

Сыны Красного Луганска, немедленно примите
героические меры для спасения Бассейна.

Срочно противопоставьте чёрной армии капитала -
Красную Армию рабочих!

ЦИК Советов Украины

...Рассекает жёсткий ветер
утреннюю морось.
Над заводом паровозным
стелются гудки.
И под алым стягом,
ряд за рядом строясь,
первыми чеканят
шаг большевики.
Возмужалый, рослый, жаркий
с красным бантом на груди
сам Пархоменко в кожанке
на кауrom впереди.
Люди валят из околиц -
каждый конного узнал.
Он в плечах - молотобоец,
и умом, и статью взял.
Голос громкий и весомый,
зычный. Слово, как наждак:
- Сноп несвязанный - солома!
Ну-к, сомкнём ревбатальоны
в расшибающий кулак!

Черный ус грозовой темью
взвихрился былинно.
Конь грызет копытом землю
горячо, картинно.
С рукояткою узорной
ходит сабля:
- Честный люд!
Разве видеть не позорно
над собой буржуев кнут?
В топках стынувших вагранка
без угля броню не льёт.
Стройсь, чтоб царская охранка
не вернулась на завод!

Ну-ка, с песней, трог-гай!

"Ты не стой, Харитина.
в степи при дороге!"

Харитина

Ой, ни что в поле
да не колышется.
Пролетарских коней
топот слышится.
Пусть грозятся грома -
чувствую удачу,
только чой-то сама
вербой гнусь и плачу.

Рабочая гвардия

Для фасона пускай
верба долу гнётся.
Ты не плач, Харитина,
суженый вернётся!
Верь дороге, что течёт
к полю, хлебом сытому.
Верь огню-когда печёт.
Волку верь - убитому!

Площадь вспучилась, вскружилась,
дружно подняла штыки.
На вагоне Ворошилов
окрыляющий полки.
Энергичный, крепко сбитый,
очи воспалённые.
Кулаки в литейном литы,
в ссылках закаленные.

Ворошилов

Славно жилистый класс
гнев пудово двинул.
Будет вольный Донбасс
Октября твердыней!

Бандурист

По-са-дил рабочий класс
репку красную - расти,
репка красная, цвети!
Не дадим тебе пропасть,
репка - праведная власть!
Ты, Пархоменко, берись,
за неё теперь борись!
Чтоб не вырвали её
ни Краснов, ни гетман,
не истыкали копьём -
поднимайсь несметно!

Своры двинулись в поля,
к репке, да к молоденькой.
Вдруг, как треснула земля
и возник -
Пархоменко!
Только меч он свой поднял -
отшатнулись бары.
В страхе брюки потеряв,
бегут, как в угаре.
Голые зады видны,
у кого добыть штаны?
Просят у Антанты
брюки и десанты.

Не дымы дымятся -
броненосцы мчатся,
танки, самолёты,
корпуса пехоты.
- Вот теперь возьмёмся,
с репкою сочтёмся!

А Пархоменко мечом
рубанул налево -
покатились головы
гонористых пэров.
Покатились головы,
зарыдали леди.
Ухойдокал пулею
сам себя Каледин.
Но пошёл в атаки
сброд продажный всякий.
И себе на горе -
атаман Григорьев.
"Лаковые сапоги,
зелёные рейтузы.
Нас попробуй-ка смоги
тронуть, краснопузый!"

А Пархоменко мечом
рубанул направо -
завертелась, как юла,
контриков орава.
Ахнув, шлёпнулся, обмяк
бузотёр пузатый.
Что, дочикался, слизняк,
путаник проклятый!
И смеётся репка,
в почве сидя крепко!

2- мужик

Он на выдумки - здоровый в агитации.
Офицеров объюлил и был таков!

Привязал к рогам коровы прокламации
и турнул её в окопы беляков!

1-мужик

Парень он во всём - душа!
Локон так и вьётся.
У него и госпожа
в шубах не сорвётся!

ИЗМЕНА

Буйному доверившись крылу,
в лозняке зима заворошилась.
Почесалась вьюга о скалу
и разгульным воем разразилась.
Черепицу крыш разволокла.
Горемык оставила без крова.
Особистом циковским вошла
к коменданту города Ростова.

Особист

Вы и есть Пархоменко?

Пархоменко

Я?.. Да!

Особист

Под арест немедля, как бандита!
Вы зачем валютчиков казните
и агентов белых - без суда?
Вам снабженцы кланяются в пояс,
вы же их бросаете в тюрьму!
"Генерал Каледин" - бронепоезд-
вновь на рельсы поднят!.. Почему?

*(Кашлянул. Сощурился и пошло-
завизжал)*

Доносят - пил вино!
С женщинами путался, а после
с ними же таскался и Махно!
Высоко зашёл! Луг-ганец... Смел-лый!
Троцкого приказа не признал!
За солдат, перебежавших к белым,
знаю - комиссаров не стрелял!
Хитроум! Прохвост!
За хлеб махновцам
ящички с патронами отдал.
Сколько уложили наших хлопцев
пули те, еще не посчитал?

Ловко разворачивал он фразу,

не слова - узоры хитро вил.
В петли оборачивал и сразу
на глазах таких людей разил!..
Сорняки давали дружно всходы,
где ступал он важною ногой.
Прикрываясь именем народа,
властью упивался и собой.

Пархоменко

Что, махновец я по-твоему?

Особист

Бандит!.

Пархоменко

Изрублю! Эсэр... Иезуит!

*Выхватив из ножен шашку, устремляется к наветчику. Красноармеец
стремительно заслоняет его своей грудью.*

Пархоменко опускает шашку.

Особист

Из-за спины красноармейца

К стенке!

За разбой извольте отвечать!

*Пальчиками узкими степенно
прилизал надушенную прядь.*

Пархоменко

В тюрьме

Заломили. Повязали руки,
гнувшие подкову в колесо.
Участил, напружил сердца стуки
ржавый, хищно клацнувший засов.
Время подводить борьбы итог.
Завтра жизнь,
как бомбы взрыв, растает.
Кто свой честно выполняет долг,
тот извечно шкурникам мешает.
Различить непросто в ревстрою
иноверцев шустрые портреты.
Присосалась контра к Октябрю,
мертвой хваткой хапнув партбилеты .
Да, стрелял ползучих эмиссаров.
Вместо пуль - всучил Махну дрова.
Смял приказ - и живы комиссары,
значит, революция жива!
Вспомнил путь железный
на Царицын,
караван - до сотни поездов,

в битвах закоржавевшие лица
луганчан, шахтёров...

Всех готов! Всех расцеловать!
Их дух несломный
лился сквозь свинцовую пургу.
В эшелоны весь завод патронный-
погрузив, не отдали врагу.
Вспомнил Кремль.
Как к Ленину прорвался:
"За спиной Царицын. Фронт. Братва!
Прёт беляк! А где ж боеприпасы,
те, что обещала нам Москва?"

*Ленин груз поднял бессонной ночи
и шагнул навстречу:*

"Значит, прёт!
Если вы, дружок, -
простой рабочий,
так за власть стоите - не пройдёт!"

*И рукой на кресло, что помягче,
указал:*

Садитесь здесь.
- А сам
сел на жёстком.
Вы - хозяин, значит,
саботаж чинуш прикончить
Вам!!
Да, прикончить!
С самой зорьки ранней
превращать столикий хлам в золу.
К сожаленью много вскрылось дряни
по стране. Особенно в тылу.
Глубоко, видать, гнойник насилья
скальпель революции вспорол.
Внешний враг - не вся беда России,
внутренний опасен произвол.

Пархоменко

Внутренние гады!.. Но они же
всюду Вашим именем грозят!?

Ленин чуть придвинулся поближе:

"Трусят, значит. А точней - хитрят.
И грозят. И целованьем роют
под зарёю нашей бездну зла.
Мной они не раз ещё прикроют

самые постыдные дела.

Пархоменко

С ними - околеем!

Ленин

Да, непросто
одолеть лжецов и понукал.
Нам нужны уверенная поступь,
неподкупный голос запевал.

Записка

Тов. Пархоменко, тов. Ворошилов послал Петерсу телеграмму с решением Вас освободить из-под ареста. Ставлю Вас в известность, что вчера получено извещение Южфронта о награждении Вас знаком отличия - орденом "Красного Знамени."

С. Орджоникидзе

Вышел из тюрьмы чумной походкой.
Спирт весны обжѐг потоком брызг.
На боку скучающе и жѐстко
маузер прядал, как будто рысь.
Будто вот-вот ринется он в драку,
чаянья народа отстоять.
Черной бурки взвившийся каракуль
превратился в крыльев благодать.

Рапорт

А. Пархоменко

С. Орджоникидзе

Прошу зачислить меня на должность по Вашему усмотрению, так как в настоящее время я не имею определённых занятий.

Приказ № 47

От 18 апреля 1920 года.

Назначить А. Я. Пархоменко начдивом 14-й кавдивизии.

С. Орджоникидзе

КАБАК «СЕМЬ ДЕДОВ»

А в Луганске для общений
нет буржуям помещений
в разных кружевах резных.
"Семь дедов"
сойдут для них!
Семь дедов - друзья, что надо!
"Семь дедов" - душа кабак!
Будешь весел до упаду,
лишь в карман попал пятак -
"Семь дедов" спеши проведать.
Сунул в лоб монету деду -
пива кружку наливай!
Хмель шибает через край!

За Успенским
за собором
путь укатан вдоль забора:
прямиком в кабак лежит.
То в него зайдёт мужик,
то эсерик забежит,
то агентик-белячок,
то болтун-меньшевичок -
всем хватает пива, водки.
Все дерут до хрипа глотки:
те - "Трудиться не охота!
Есть сивуха - будем пить!
Буржуазов - на работы!
...или в речке утопить!"
Эти - "Смерть большевикам!"
Третьи - "Червям-кулакам
укорот пора устроить.
По-шакальи пусть завоюют!"
- Пролетарская рука,
изувеч-ка слизняка!..

За Успенским за собором
путь укатан вдоль забора.
Заходи - и будь здоров!
Деревянных семь дедов
угостят, как надо.
Хмурый,
как-то дед забрёл с бандурой.
Бандурист, что вьюга бел.
Неспеша на лавку сел.
Тронул струны в изготовку.
Успокоил потасовку.
И по просьбе мужика,
что честил меньшевика,
сказку спел о земляке,
о мече в его руке:

Бандурист

По-са-дил рабочий класс
репку красную - расти,
репка красная, цвети!
Не дадим тебе пропасть,
репка - праведная власть.
Ты, Пархоменко, берись!
За неё теперь борись!
Видишь, вон чинуши
всюду бьют баклуши.
А Пархоменко с коня
спрыгнул. Ярость выгудел.
Разлетелась порохня -

лишь её и видели!
И Краснов заскулил.
А девчата спели
на мосточке у перил,
где черешни спелы:

"Молоточек. Помоги!
Не тупися, шило!
Для Лавруши сапоги
я всю ночь шила."

Кто бурьян в саду полон -
много сору выкинет.
И насквозь проколол
Вёрона Деникина!

Только в ствол подал патрон,
солнцу улыбается.
Глядь, тут Врангель фон-барон
к репке подкрадывается.
Чтоб ты скис! И - в зад ему!..
Знай, лазутчик, наших!
Утонул барон в Крыму,
солонно хлебавши.

Телеграмма

Луганск. Ревкому. Товарищи Донецкие пролетарии!
Всенародное вам спасибо за мужество и уголь,
горящий в топках социализма!
За патроны, которыми вы снабжаете весь Южный фронт Красной Армии!
Центральный комитет КПб Украины

...А в это время на Висле
над левым крылом Тухачевского
тучи нависли.
День остыл в траве копеечкой ржавой.

Пархоменко

Не поможем, значит, предадим!
Клим, давай повернем на Варшаву!..
Сучий потрох, ты ж не контра, Клим!

Ворошилов

Всё темно, как в дуле пистолета:
гарь и пыль, и ночи каламуть.
Я готов, Лавруша, повернуть...
Я готов! Но реввоенсовета -
Троцкий - против!

Пархоменко

Чего? Чести партбилета?!

Ворошилов

Славу Тухачевскому стяжать.
Повернём - прикажет расстрелять!

Пархоменко

Что ж, на звёздах - отблеск эполетов:
Кровь умыла тысячи друзей!
Гибнут люди не за власть Советов,
а за власть удельную князей!?

Ворошилов

Не итожь. Пусть время подытожит.
Панской Польше больше не бывать.
Мать нам революция, но все же
и себя не стоит умалять.

Пархоменко

Клим, ещё успеем дотянуться,
отплатить Пилсудскому-врагу!
В окруженьи части!.. Не пробьются!
Повертай же, контра!

Ворошилов

Не могу!

Пархоменко

Уходит

Где ж она - заветная граница меж Добром и Злом?..
Скажите, ну!
Долго ещё к солнцу не пробиться праведному житному зерну!

Ворошилов

Сам

Жалко. Что дьявол на скакуне.
А вострый, что сабля-вольница.
Чуть передержит себя в огне -
в своих же ножнах и сломится.

МАХНО

Там, где власть,
там нет на свете
бойких дел для мужика!
Мы за вольные Советы
без буржуев и ЧеКа!

Ночь разнуздана и мглиста,
как болото, грязная.
Подмигнула анархисту
девка безобразная:
- Толку мало в их Советах ...

срам, куда ни погляди!
Порасселись в кабинетах,
к ним без стука не входи!
А твоя дала власть волю
любить Колю
и гулять по вечерам.
Ну-ка, батько, чой ты там!?.

А Махно лохмат, как туча.
Самогон в очах дымит.
Пятый день начдив летучий
на плечах его сидит.
С фланга - вмял его в болото.
Фронт - клинками раскроил...

Махно

Сорок лучших пулемётов
хапнул, сволочь, как свои.
Ну, Пархоменко! Ну, грак!..
Не житьё, а мука!
Девка, дай сюда первак!
...Вылакала, сука!

*Крикнул: маленький, да юркий.
На сукне чужая кровь.*

Все вокруг меня вы урки!
Вам бы стёкла бардаков
только бить,
да жрать, как панство...

*И понёс. В зрачках огни.
На словах крушить дворянство,
жить желая, как они.*

Марш дорогами глухими!
Мородёрствовать не сметь!
Чтобы выскользнуть сухими -
всем будёновки надеть!
Окрутить их, заморочить!
Как последних, охмурить!
На заре, а, может, ночью
на друг друга натравить!

*Утром - стрельнул из нагана.
Встал. По креслу - кулаком!*

Адьютант, скажи, в капканы
много ль влезло краснюков?

Адьютант

Сам начдив, рога ломая,
впёрся, батько...

Махно

Хлопцы, в бой!
Правда, пусть она - прямая,
но за то ей суд кривой!

...Разом хлынула измена.
Вьюга весь укрыла свет.
Снег рябит от красных лент:
то ли наши, то ли нет.
Голос в наплыве:
- Всех - в капусту!

Пархоменко

Вот вам - хрена!
Прям-мо!
Сшиблись. Гики. Гул.
Конь на кровь уже ступнул.
Свечкой стал. Но прут бандиты!
Восьмеро уже убиты.

Средний слева - пнетя вспять.
Вот ещё один струхнул.
Вот и крайнему не встать.

И начдива толстозадый
рубанул дурило сзади.
Эх, кого ты рубанул!
Рубанул кого, скотина?!
Чистый вымутил исток.
Долго будет Украина
в силах чувствовать отток.
Что там "будет" - и сегодня
лишь проявит власть подлец -
и на всю страну заноеет
страшной сабли той рубец.

Распоясался. Успехом
кичится стервятник.
И залился грязным смехом
скользкий подсебятник.

Харитина

Командиров пули целят метко.
Вновь за неудачею - успех.
Ты зачем, Сашко, пошёл в разведку?
Вечно было надо больше всех!

Вечно первым в гущи вражьи рвался,
как и саблю - душу наголо.

Изошло рыданием село,

где лежать порубанным остался.
Говорил: "Последний бой и - баста!
Не погибну - славно будем жить!.."

В бой пошли твои, любимый, части,
только мне безудержно тужить.
В самый возраст!..
В маковы годочки -
не укрыла, не уберегла...
Крепнут и растут твои сыночки:
два звоночка, два моих крыла.

Бандурист

Играй, бандура, играй!
Вспоминай красного командира
Александра Пархоменко -
начальника храброго,
бойца и друга.
Верба выросла там,
где он родился.
Яблоня выросла там,
где пал он от рук бандитов.
Слава народная
вырастет над его могилой!
Играй, бандура, играй!

Ворошилов

И исключая его из списков живых,
вечно храни в бессмертном списке
геройски павших!
Проклятие вам,
убийцы и предатели рабочего класса!
Проклятие и беспощадная месть!

Эпилог

На поверке у чести и правды
с корпусами в едином строю,
точно так, как у древней Непрядвы,
у родимой Лугани стою.
Лозняки раздвигаю густые,
где губами касаясь реки,
пили воду и кони Батья,
и гвардейских частей рысаки.
Где с Патронного
просто и ярко,
с глаз снимая бессонный угар,
умывала лицо пролетарка -
в строгой юбке
гроза-комиссар.
Поправляла косу вороную

и, печалю парней разбитных,
обнимал ей фигуру тугую
верный маузер - первый жених.
Из Лугани моей кони пили.
Парни - шпоры им в рёбра
и - в бой!

...По сражённому у Острой Могилы
чую Родины
острую
боль.

И летящего вижу начдива,
вражью сыть он кроит пополам.
Вздыблен конь его верный, ретивый,
голос рвётся из прошлого к нам:

Я тебя, словно знамя, целую,
мой потомок.
Ты славно живёшь.
Но коль в жизни хоть малость солжёшь -
знай, что ты предаёшь
революцию,
павших всех за неё предаёшь.
Даже если с улыбкою куцей
льстиво глянешь хапуге в лицо,
значит, ты предаёшь
революцию,
кровь святую бесстрашных отцов.
Или слепо, с немим равнодушьем
мимо горя чужого пройдёшь -
помни,
ты предаёшь революцию,
путь в грядущее наш предаёшь!

Мир Октябрьской грозой расколот.
Пролетят эскадром года.
Всё простится:
и голод, и холод,
лишь предательство - нет!
Никогда!